

Граф
Калцостро,
или
Иозеф Гальзамо

АЗБУКА

Санкт-Петербург

1. ГРОМ-ГОРА

На левом берегу Рейна, в нескольких лье от имперского города Вормса, неподалеку от истоков небольшой речушки Зельц, начинаются отроги горной цепи, чьи вздыбленные вершины тянутся на север и исчезают в тумане, словно стадо испуганных буйволов. Горы эти, господствующие над довольно безлюдной местностью и словно свита окружающие самую высокую из вершин, посят названия, каждое из которых указывает на форму горы или напоминает о каком-либо предании: одна зовется Королевским Троном, другая — Скалой Шиповников, эта — Соколиным Утесом, та — Хребтом Змеи. Самая могучая из них, что выше всех вздымает к небу свою увенчанную короной руин вершину, именуется Гром-гора.

Когда вечер сгущает тени от дубов, а последние лучи солнца, умирая, покрывают позолотой пики этой семьи гигантов, тогда с высоких небес на равнину медленно нисходит тишина, и невидимая, но могучая рука растягивает над горными склонами, а затем и над всем миром, утомленным от дневных трудов и шума, синий полог с мерцающими на нем звездами. На земле и в воздухе все мало-помалу погружается в дрему и сон. И лишь упомянутая нами речушка — Зельцбах, как зовут ее в этих местах, — одиноко бежит в тишине своим таинственным путем среди прибрежных пихт, и днем и ночью неся воды Рейну, своему вечному владыке; и так гладок песок ее ложа, так гибки ее тростники, так обильно покрыты мхом и камнеломкой ее скалы, что шума ее не слышно ни в Морсхайме, где она начинает свой бег, ни во Фрайвепхайме, где она впадает в Рейн.

Чуть выше ее истока, между Альбисхаймом и Кирхайм-Поландом, извилистая, в глубоких выбоинах дорога, проложенная между отвесными кручами, ведет к Даненфельсу. За Даненфельсом дорога превращается в тропинку, далее тропинка эта сужается и постепенно исчезает вовсе, так что взору предстает лишь необозримый склон Гром-горы, чья таинственная вершина, часто опаляемая огнем Господним, откуда и ее название, скрывается за частоколом зеленых деревьев, словно за непреодолимою стеной.

И верно: попав в эту чашу, густую, словно дубрава античной Додоны¹, путешественник может спокойно продолжать путь — его никто не увидит

---

¹ Додона — город в центре Эпира (Западная Греция) со священной дубовой рощей и оракулом Юпитера. — *Здесь и далее примеч. перев.*

с равнины даже средь бела дня; будь его конь увешан бубенцами на манер испанского мула, брэнчания их никто не услышит, и даже если на нем будет королевская бархатная попона с золотой вышивкой, ни один золотой или пурпурный отблеск не сверкнет сквозь листву — густой лес заглушает всякий шум и заставляет поблекнуть любые краски.

Даже сегодня, когда на самых высоких вершинах устроены смотровые площадки, а самые поэтичные и жуткие легенды вызывают у путешественников лишь недоверчивую улыбку, — даже сегодня эти места вселяют такой страх и почтение, что о присутствии там человека свидетельствуют только несколько убогих домишек, которые, словно часовые, охраняющие близлежащие деревни, стоят в отдалении от зачарованной стены леса. Живут в этих затерянных в глуши домах мельники, что охотно предоставляют реке молотить их зерно и возят муку в Рокенхаузен и Альцай, да пастухи, которые пасут в горах стада и вздрогнут порой вместе со своими собаками, когда вековая пихта, состарившись, с шумом обрушится в непроходимой чаще. Рассказы об этих местах ходят самые мрачные; наиболее отважные из местных жителей утверждают, будто тропинка, теряющаяся за Даненфельсом в горном вереске, далеко не всегда спасала честных христиан. А может быть, кое-кто из теперешних обитателей этих мест даже помнит рассказы отца или деда о том, что мы сейчас собираемся поведать читателю.

6 мая 1770 года, в тот час, когда на речной воде начинают играть розоватые отблески, а солнце, зайдя за шпиль Страсбургского собора, распадается на две пылающие полусферы, человек, приехавший со стороны Майнца через Альцай и Кирхайм-Поланд, миновал деревушку Даненфельс и двинулся дальше по едва заметной тропинке; когда же она пропала, он спешился, взял коня под уздцы и, недолго думая, привязал его к первой попавшейся пихте на опушке зловещего леса. Животное тревожно заржало, и лес, казалось, вздрогнул от этого непривычного звука.

— Ну, ну, успокойся, мой добрый Джерид, — проговорил путник. — Двенадцать лье позади; для тебя по крайней мере дорога окончена.

Путник попытался проникнуть взглядом вглубь леса, однако тени были уже настолько густы, что он разглядел лишь какие-то темные массы, которые вырисовывались на еще более темном, почти черном фоне. После этой бесплодной разведки путник повернулся к коню, чье арабское имя говорило одновременно о его породе и резвости, и, взяв его обеими руками за морду, наклонился к дымящимся ноздрям.

— Прощай, мой добрый конь, — быть может, мы больше не увидимся. Прощай! — прошептал он.

С этими словами путник быстро огляделся вокруг, словно опасался или, напротив, желал быть услышанным. Конь тряхнул шелковистой гривой, стукнул по земле копытом и заржал, как будто был в пустыне и почуял приближение льва. На этот раз путник, улыбнувшись, лишь кивнул головой, словно желая сказать: «Ты не ошибся, Джерид, опасность близка». Однако, решив, по-видимому, пока не обращать внимания на эту опасность, отважный незнакомец вытащил из седельных кобур пару красивых пистолетов с чекан-

кой на стволах и накладками из позолоченного серебра на рукоятках и с помощью шомпола разрядил их один за другим, вытащив пыжи и пули и высыпав порох на траву. Сделав это, он сунул пистолеты обратно в кобуры.

Но это было еще не все. На перевязи у путника висела шпага со стальным эфесом; сняв с себя ремень, он обмотал им шпагу, затем просунул ее под седло и прикрепил стремненным ремнем, так что кончик шпаги смотрел в сторону крупа, а эфес — в сторону холки коня. Завершив эти странные манипуляции, незнакомец отряхнул запыленные сапоги, снял перчатки и, порывшись в карманах, достал маленькие ножницы и перочинный нож с черепаховой ручкой, после чего, не глядя, бросил их на землю. Затем он в последний раз погладил Джерида по крупу, вздохнул полной грудью, безуспешно поискал глазами тропинку и, не найдя таковой, наугад вошел в лес.

А теперь, кажется, настала пора познакомить читателя поближе с путником, который только что появился перед нами, тем более что ему суждено сыграть в нашей истории немаловажную роль. Человеку, сошедшему с коня и столь отважно вступившему в лес, на вид было лет тридцать с небольшим; будучи выше среднего роста, он отличался на редкость пропорциональным сложением, его гибкое, мускулистое тело дышало силой и ловкостью. Одет он был в нечто вроде дорожного редингота из черного бархата с золотыми петлицами, из-под последней пуговицы редингота выглядывали полы вышитого камзола, лосины в обтяжку обрисовывали ноги, которые могли служить моделью скульптору — под лакированными сапогами угадывалась их изящная форма.

Его подвижное лицо южного типа выражало необычное сочетание изящества и силы; взгляд путника, способный передать любые чувства, пронзал, словно лучами, того, на кого был направлен, и озарял самую душу собеседника. Его смуглые щеки — это прежде всего бросалось в глаза — покрывал загар, приобретенный под солнцем куда более жарким, чем наше. И наконец, большой, но хорошо очерченный рот являл два ряда великолепных зубов, которые из-за смуглого лица казались еще белее. Ступни у путника были длинные и узкие, ладони — маленькие и сильные.

Не успел описанный нами герой и на десяток шагов углубиться под черные пихты, как со стороны опушки, где он оставил коня, раздался быстрый топот. Первым и вполне естественным движением путника было повернуть назад, но он сдержался. Однако, поддавшись желанию узнать, что стало с Джеридом, он поднялся на цыпочки и устремил взгляд в просвет между листьями, но чья-то невидимая рука тем временем отвязала поводья, и конь пропал. Незнакомец чуть сморщил лоб, и легкая улыбка тронула его округлые щеки и четко очерченные губы.

После этого он снова двинулся вглубь леса. В течение нескольких минут путник выбирал дорогу при сумеречном свете, пробивавшемся сквозь деревья, но, когда померк и он, наш герой оказался в настолько густом мраке, что, не видя, куда ступить, и боясь заблудиться, он остановился.

— Из Майнца я попал в Даненфельс, так как там есть дорога, — вслух проговорил он. — От Даненфельса я доехал до Черных Вересков, так как там есть тропинка. От Черных Вересков я добрался досюда, так как хоть здесь и нет ни дороги, ни тропинки, но по крайней мере есть лес. Однако здесь придется остановиться — я больше ничего не вижу.

Не успели прозвучать эти сказанные на смеси французского с сицилийским наречием слова, как шагах в пятидесяти от путника внезапно вспыхнул огонек.

— Благодарю, — сказал он. — Огонек движется, я пойду за ним.

Огонек двигался плавно, как по ниточке, — так у нас в театрах движется фантастическое пламя, управляемое машинистом сцены и помощником режиссера. Пройдя еще шагов сто, путник почувствовал, что кто-то дышит ему в ухо. Он вздрогнул.

— Не оборачивайся или умрешь, — послышался голос справа.

— Ладно, — не моргнув глазом, ответил бесстрашный путник.

— Не разговаривай или умрешь, — послышался голос слева.

Путник молча поклонился.

— Но если ты боишься, — произнес третий голос, который, словно голос тени отца Гамлета, доносился, казалось, из-под земли, — если ты боишься, возвращайся на равнину. Это будет значить, что ты отказываешься, и тебе позволят вернуться туда, откуда ты явился.

Путник лишь махнул рукой и продолжал путь. Ночь была так темна, а лес так густ, что, несмотря на путеводный огонек, путник постоянно спотыкался. Около часа двигался огонек, и путник следовал за ним — без единого звука, без единого жеста, который выдал бы его страх.

И вдруг огонек исчез. Лес кончился. Путник поднял глаза: на темно-синем небе сияло несколько звезд. Он продолжал идти в ту сторону, где в последний раз видел огонек, и вскоре перед ним выросли развалины, скорее даже призрак замка. Под ногами путник почувствовал обломки камней, и тут же что-то холодное коснулось его висков и плотно закрыло ему глаза. Теперь он не видел даже почного мрака. Голову его стягивала повязка из куска мокрой ткани. По-видимому, так было надо, а может быть, путник ожидал чего-либо подобного, потому что даже не попытался освободиться от повязки. Он лишь молча вытянул вперед руку, словно слепец, которому нужен поводырь. Жест этот был понят, так как через миг холодная, сухая и костлявая рука вцепилась в пальцы путника. Тому сразу почудилось, что рука эта принадлежит скелету, однако если она была наделена чувствительностью, то, несомненно, ощутила, что рука путника не дрожит. Ведомый этой рукою, он прошел около ста туазов¹. Внезапно рука разжалась, повязка упала у него со лба, и незнакомец остановился: он был на вершине Гром-горы.

2. ТОТ, КТО ЕСТЬ

Посредине поляны, окруженной польсевшими от старости березами, высился первый этаж полуразрушенного замка из тех, что в таком изобилии строили феодальные сеньоры, вернувшиеся из крестовых походов. Иззубренные края обвалившихся стрельчатых сводов портала вырисовывались на фоне бледного неба; в каждой нише вместо статуи — все они, изуродованные, валялись под стеной — лежали охапки вереска или лесных цветов.

Открыв глаза, путник увидел, что стоит перед влажными, замшелыми ступенями главного входа; на первой ступени высился призрак с костлявой рукой, приведший его сюда. Длинный саван окутывал его с головы до ног, пустые глазницы сверкали; бесплотную руку он протягивал внутрь развалин, словно указывая путнику, что конец его пути в зале, располагавшемся несколько выше уровня земли, так что видны были лишь его обрушившиеся своды с мерцавшим под ними тусклым таинственным огнем.

Путник в знак согласия склонил голову. Медленно и бесшумно поднимаясь по ступеням, призрак углубился в руины; подражая его походке, путник так же спокойно и торжественно в свою очередь поднялся наверх и вошел. Позади него, словно сделанная из меди, загудела захлопнувшаяся дверь. У входа в просторный круглый зал, обтянутый черным и освещенный тремя зеленоватыми лампами, призрак остановился. Путник замер на месте шагах в десяти от него.

— Открой глаза, — приказал призрак.

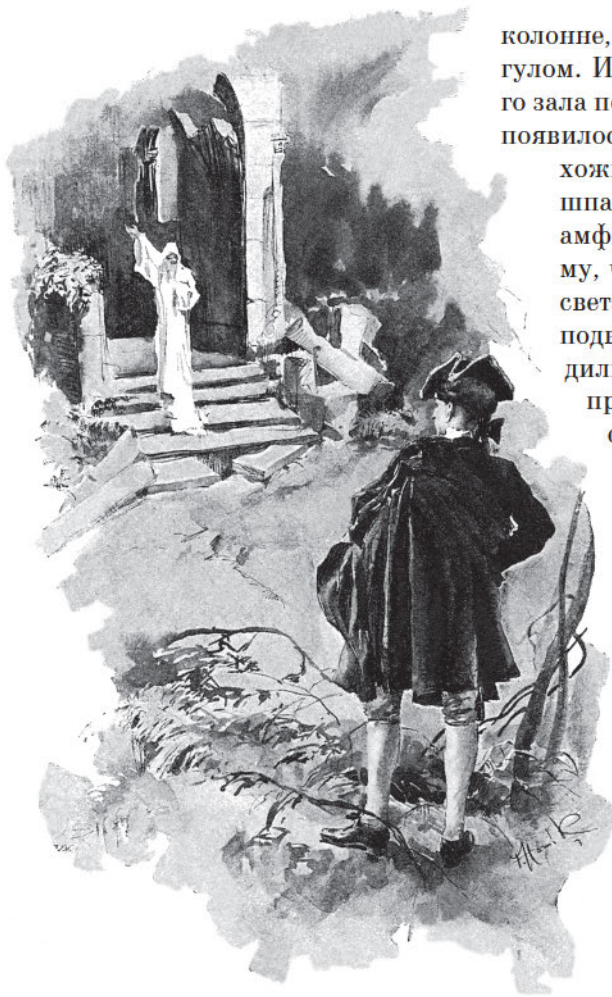
— Я все вижу, — отвечал незнакомец.

Тогда призрак быстрым и вместе с тем величественным жестом достал из складок своего савана обоюдоострую шпагу и ударил ею по бронзовой

---

¹ Туаз — старинная французская мера длины, равная 1,95 м.

колонне, ответившей металлическим гулом. И сразу же по окружности всего зала поднялись плиты пола, и оттуда появилось множество призраков, похожих на первого; держа в руках шпаги, они поднялись на скамьи амфитеатра, имевшего ту же форму, что и зал. С зеленоватыми отсветами на лицах, холодные и неподвижные, как камень, они походили на статуи на постаментах, причудливо вырисовываясь на фоне черной драпировки стен.

Перед нижней ступенью амфитеатра появились семь кресел, шесть из которых заняли призраки, по-видимому старшие по положению, седьмое кресло оставалось пустым. Призрак, сидевший посередине, встал и, повернувшись к собранию, спросил:

— Братья, сколько нас здесь?

— Триста, — в один голос ответили призраки; резко прогремевший звук тут же был заглушен траурной драпировкой.

— Триста, и каждый представляет десять тысяч наших приверженцев; триста шпаг, цена которым — три миллиона кинжалов, — продолжал председатель и, повернувшись к путнику, спросил: — Чего ты желаешь?

— Видеть свет, — ответил тот.

— Тропы, ведущие к огненной горе, трудны и тернисты. Ты не боишься отправиться в путь?

— Я ничего не боюсь.

— Стоит тебе сделать еще один шаг, и возврата назад не будет. Подумай об этом.

— Я не остановлюсь, пока не достигну цели.

— Готов ли ты поклясться?

— Говорите, я буду повторять.

Председатель поднял руку и медленно, торжественно заговорил:

— Именем Распятого Сына поклянитесь разорвать узы плоти, что связывают вас с отцом, матерью, братьями, сестрами, женой, родственниками,

друзьями, любовницами, королями, благодетелями и с любым другим существом, которому вы обязались верить, повиноваться или служить.

Твердым голосом путник повторил продиктованные ему слова. Так же медленно и торжественно председатель произнес вторую часть клятвы:

— С этого мига вы освобождаетесь от так называемой клятвы, данной вам родине и закону. Поклянитесь сообщать своему новому наставнику, которого скоро узнаете, обо всем, что видели или сделали, прочитали или услышали, узнали или отгадали, равно как и выведывать и выслеживать все, чего не видели своими глазами.

Председатель умолк, и неизвестный повторил услышанное.

— Чтите и уважайте *aqua toffana*¹, — не меняя тона, продолжал председатель, — как скорое, верное и необходимое средство для очистки мира посредством умерщвления или отупления тех, кто тщится унижить истину или вырвать ее из наших рук.

Даже эхо не смогло бы повторить эти слова точнее путника. Председатель заговорил снова:

— Избегайте Испании, избегайте Неаполя, избегайте всех проклятых стран, подавляйте в себе искушение утаить что-либо увиденное или услышанное, ибо молния не поразит вас с такой быстротой, с какой настигнет невидимый и неотвратимый кинжал, где бы вы ни находились. Живите во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Несмотря на явную угрозу, содержащуюся в последних фразах, незнакомец произнес их так же спокойно, как предыдущие; на лице его не отразилось ни тени волнения.

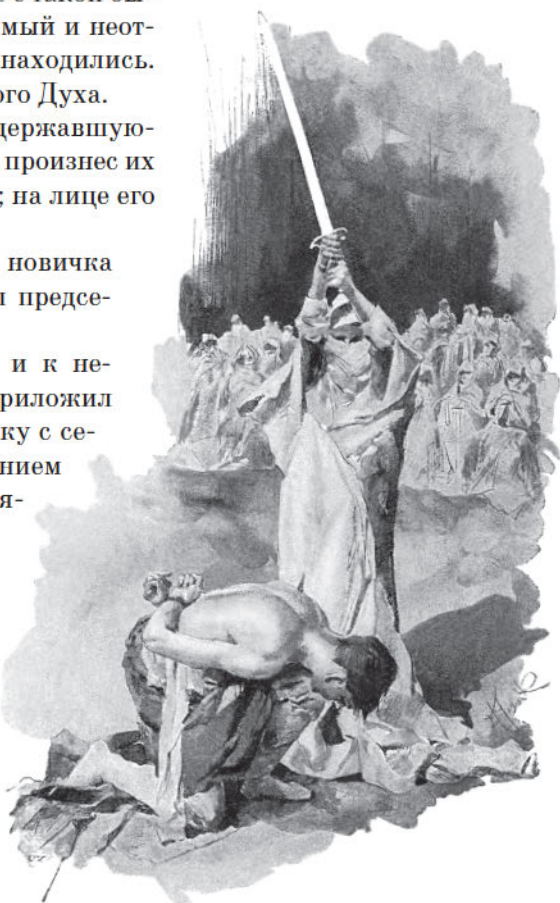
— А теперь обвяжите голову новичка священной повязкой, — приказал председатель.

Незнакомец наклонил голову, и к нему подошли два призрака: один приложил к его лбу светло-оранжевую повязку с серебристыми буквами и изображением Лореттской богородицы, другой завязал концы ткани на затылке. Сделав это, они отошли, оставив путника одного.

— Чего ты просишь? — спросил председатель.

— Три вещи, — ответил незнакомец.

¹ Вода Тофаны (*лат.*). Средневековый бесцветный и безвкусный смертельный яд, секрет которого ныне утерян.

- Какие же?
- Железную руку, огненный меч и алмазные весы.
- Зачем тебе железная рука?
- Чтобы душить тиранию.
- Зачем тебе огненный меч?
- Чтобы изгнать с земли все пороки.
- Зачем тебе алмазные весы?
- Чтобы взвешивать судьбы человечества.
- Готов ли ты к испытаниям?
- Сильный готов ко всему.
- Испытания! Испытания! — послышалось множество голосов.
- Повернись, — приказал председатель.

Неизвестный послушался и оказался лицом к лицу с бледным как смерть человеком, связанным по рукам и ногам и с кляпом во рту.

- Что ты видишь? — спросил председатель.
- Преступника или жертву.
- Это предатель, который поклялся так же, как ты, а потом выдал секрет- ты ордена.
- Значит, это преступник.
- Правильно. Какой кары он заслуживает?
- Смерти.
- Смерти, — повторили триста призраков.

В тот же миг приговоренного, несмотря на его отчаянное сопротивление, оттащили вглубь зала; путник видел, как тот бьется и извивается в руках палачей, и слышал его сипение, вырывавшееся из-под кляпа. В свете ламп словно молния сверкнул кинжал, послышался негромкий удар и глухой стук упавшего тела, отдавшийся так, что даже пол мрачно загудел.

— Правосудие свершилось, — проговорил незнакомец и повернулся к жуткому амфитеатру; сидевшие в нем алчными взорами наблюдали этот спектакль из-под своих саванов.

— Итак, ты одобряешь казнь, свидетелем которой был? — осведомился председатель.

- Да, если казненный был действительно виновен.
- И ты готов выпить за то, чтобы каждого, кто, как и он, выдаст секреты нашего священного сообщества, настигла смерть?
- Готов.
- Любой напиток?
- Любой.
- Принесите кубок, — приказал председатель.

Один из палачей подошел и протянул новичку человеческий череп на бронзовой ножке, наполненный красной тепловатой жидкостью. Незнакомец взял череп и, подняв его над головою, воскликнул:

— Я пью за то, чтобы каждого, кто выдаст секреты священного сообщества, настигла смерть!

Затем он поднес кубок к губам и, выпив до последней капли его содержимое, хладнокровно вернул кубок палачу. По амфитеатру пронесся шепот

удивления; призраки переглянулись.

— Прекрасно, — похвалил председатель. — Пистолет!

Один из призраков приблизился, держа в одной руке пистолет, в другой — свинцовую пулю и заряд пороха. Новичок не удостоил его даже взглядом.

— Ты обещаешь безоговорочно повиноваться священному обществу? — спросил председатель.

— Обещаю.

— Даже если это тебе повредит?

— Вступающий принадлежит не себе, но всем.

— Значит, ты выполнишь любой мой приказ?

— Выполню.

— В тот же миг?

— В тот же миг.

— Без колебаний?

— Без колебаний.

— Возьми и заряди пистолет.

Незнакомец взял пистолет, насыпал в ствол порох, забил пыж, затем опустил туда же пулю, прижал ее другим пыжом и взял пистолет на изготовку. Мрачные обитатели странного замка следили за ним в гробовом молчании, и только ветер завывал в полуразрушенных арках.

— Пистолет заряжен, — бесстрастно проговорил путник.

— Ты в этом уверен? — спросил председатель.

На губах у новичка промелькнула улыбка; он взял шомпол, направил пистолет стволом вверх и, засунув шомпол в дуло, дал ему опуститься. Шомпол остался торчать из ствола дюйма на два. Председатель в знак того, что он убежден, наклонил голову и сказал:

— Да, он действительно заряжен, и притом хорошо.

— Что я должен сделать? — спросил незнакомец.

— Взведи курок.

Незнакомец подчинился, и среди всеобщего молчания послышался щелчок собачки.

— Теперь приставь дуло ко лбу, — продолжал председатель.

Путник без колебаний повиновался. Молчание в зале стало еще глубже, лампы, казалось, потускнели, а собравшиеся стали еще больше походить на призраков; они затаили дыхание.

— Пли! — крикнул председатель.

Послышался щелчок курка, из кремня вылетел снап искр, порох, находившийся на полке, вспыхнул, но далее никакого звука не последовало. У всех присутствующих вырвался крик восхищения, и председатель инстинктивно вытянул руку в сторону незнакомца. Однако самые придиричивые сочли, что двух испытаний недостаточно, и в зале послышались голоса:

— Кинжал! Кинжал!

— Вы требуете? — осведомился председатель.

— Да, требуем, — раздалась те же голоса.

— Принесите кинжал, — приказал председатель.

— Это ни к чему, — с пренебрежением покачав головой, возразил незнакомец.

— Как ни к чему? — раздалась многочисленные возгласы.

— Да, ни к чему, — перекрывая шум, повторил путник, — вы только теряете драгоценное время.

— Да что вы такое говорите? — воскликнул председатель.

— Я говорю, что все ваши секреты мне известны, что все испытания, которым вы меня подвергли, — это детские игры, серьезным людям играть в них просто не пристало. Я говорю, что человек, которого убили, вовсе не мертв, говорю, что выпитая мною кровь — не что иное, как вино, помещавшееся в плоском мешке на груди у этого человека под одеждой, говорю, что порох и пуля провалились в рукоять пистолета, когда, взводя курок, я привел в действие рычаг, протолкнувший их туда. Заберите у меня это оружие, годное лишь для того, чтобы пугать им трусов. Поднимайся, мнимый труп: сильным людям ты не страшен.

— Так ты знаешь наши тайны? Кто ты: ясновидящий или предатель? — загремел под сводами крик председателя.

— Кто ты? — повторили три сотни голосов, и в ту же секунду десятка два шпага сверкнуло в руках у стоявших поблизости призраков, которые молниеносно приставили их к груди незнакомца. Однако тот, спокойно улыбнувшись, поднял голову и тряхнул своими ненапудренными волосами, перетянутыми повязкой.

— Ego sum qui sum, я тот, кто есть, — проговорил он и обвел взглядом тесно окружившую его людскую стену. Под его властным взором шпаги начали постепенно опускаться, но не все разом: кое-кто сразу поддался его влиянию, а кое-кто еще пробовал сопротивляться.

— Ты только что бесстыдно произнес слова, значение которых тебе самому неизвестно, — сказал председатель.

— Я ответил то, что должен был ответить, — с улыбкой покачав головой, отозвался незнакомец.

— Откуда же ты явился? — спросил председатель.

— Из страны, откуда исходит свет.

— Но, по нашим сведениям, ты приехал из Швеции.

— Тот, кто приехал из Швеции, мог приехать и с Востока, — возразил незнакомец.

— Говорю тебе еще раз: мы тебя не знаем. Кто ты?

— Я тот, кто есть, — повторил путник и продолжал: — Ладно, сейчас я назову вам себя, раз уж вы делаете вид, что не понимаете, но прежде хочу сказать вам, что вы — вы сами и есть.

Призраки вздрогнули, шпаги их зазвенели, когда каждый переложил оружие из левой руки в правую и приставил его к груди незнакомца, который, указав рукою на председателя, продолжал:

— Начнем с тебя. Ты, который считает себя богом, а сам лишь предтеча, ты представляешь здесь шведскую группу. Я скажу, как тебя зовут, чтобы не называть остальных. Скажи, Сведенборг, разве ангелы, запросто беседующие с тобою, не сообщили, что тот, кого ты ждешь, отправился в путь?

— Это так, они сообщили мне об этом, — ответил председатель, вопреки обычаю откидывая капюшон, чтобы лучше видеть говорящего. Под капюшоном оказалось лицо почтенного седобородого восьмидесятилетнего старца.

— Хорошо, — продолжал незнакомец, — а слева от тебя — представитель английской группы, председатель Каледонской ложки. Добрый день, милорд. Если в ваших жилах течет кровь вашего предка, Англия может надеяться, что погасший свет вспыхнет вновь.

Шпаги опустили: гнев начал уступать место изумлению.

— А, это вы, капитан? — воскликнул незнакомец, обращаясь к последнему из высокопоставленных призраков, стоявших слева от председателя. — В каком порту оставили вы ваш прекрасный корабль, который любите, словно любовницу? «Провидение» — добрый фрегат, а его имя должно принести Америке счастье, не так ли?

Затем, повернувшись к тому, кто стоял справа от председателя, незнакомец проговорил:

— Ну-ка, цюрихский пророк, доведший физиогномику чуть ли не до уровня волшебства, скажи, не видишь ли ты в чертах моего лица знаков, говорящих о моей миссии?

Тот, к кому были обращены эти слова, отступил на шаг.

— Ну что ж, — продолжал путник, обращаясь к соседу предыдущего, — потомок Пелайо¹, речь опять идет об изгнании мавров из Испании. Это будет нетрудно, если кастильцы еще не потеряли меч Сида.

Пятый из высокопоставленных членов общества стоял молча и неподвижно: казалось, слова незнакомца превратили его в камень.

— А мне ты ничего не хочешь сказать? — заговорил шестой, упредив незнакомца, который, похоже, забыл о нем.

— Хочу, — отозвался путник, устремив на него свой пронизывающий взгляд, который, казалось, проникал в самое сердце. — Я скажу тебе то же, что Иисус сказал Иуде, только немного позже.

Тот, к кому были обращены эти слова, сделался бледнее собственного савана; по залу пробежал шепот: присутствующие, казалось, спрашивали друг друга, чем вызвано это странное обвинение.

---

¹ Пелайо (ок. 690–737) — первый король Астурии, королевства, образовавшегося после захвата арабами Пиренейского полуострова.